

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ НАСИЛИЯ

М.А. Медведева, Н.В. Воронкова

Филиал Московского
государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского», Мелеуз

margarita-354@yandex.ru

Эта работа о том, может ли насилие считаться морально достойным способом общественного поведения, может ли оно быть интерпретировано как акт доброй воли и получить санкцию морали. О морали в ситуации насилия допустимо говорить только в аспекте преодоления этой ситуации, поскольку сама мораль начинается там, где кончается насилие. Легитимность же насилия представляет собой его ограничение.

Ключевые слова: мораль, нравственность, общество, насилие, власть, легитимация насилия.

Этимологическое значение слова «насилие» означает применение силы, то есть то, что осуществляется через свою силу или вопреки силе другого. Более того, насилие представляет собой врожденное свойство живого, проявляющее активность для создания дисбаланса в окружающем их мире. В большинстве случаев насильственными считаются действия одних людей, непосредственно направленные против жизни и собственности других: убийства, увечья, ограбления, нападения, завоевания, угрозы, разбой и т. д. В насилии как специфическом акте межчеловеческой, intersубъективной коммуникации существенно важно различать два аспекта: один касается целей, контекстуального смысла действий и того, ради чего действия предпринимаются, второй – средств, действий самих по себе¹.

По вопросу обоснования насилия можно выделить два основных способа, которые вырабатываются обществом:

- 1) сакрализация насилия (отнесение его к священному);
- 2) легитимация определенных видов насилия (связана с его отнесением к праву, закону, суду и т. д.).

Насилие разрывает общественную коммуникацию, разрушает ее общепризнанные основания, получившие выражение в традициях, обычаях, праве, иных формах культуры. В этом смысле оно представляет собой всегда нарушение определенного договора, нормы, правила, односторонний выход за принятые рамки коммуникации². Тот, кто совершает насилие, преступает черту, которую ранее он обязался не преступать. В этом смысле насилие есть преступление. При этом осуществляемое

¹ Шайхутдинов Р. Современный политик: охота на власть. – М.: Европа, 2006. – С. 125.

² Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. – 2001. – № 3. – С. 83.

в форме насилия разрушение человеческой коммуникации не является тотальным. В процессе насилия одни индивиды (группы людей, сообщества) навязывают себя, свои цели и нормы другим, стремятся подчинить их себе. Предполагается, что первые лучше вторых, что они имеют право так поступать.

Отметим, что насилие – это не просто разрыв интересубъективной коммуникации, а разрыв, осуществляемый как бы по ее собственным законам; оно оправдывает себя тем, что задает более высокую коммуникативную основу. Таким образом, насилие представляет собой феномен культуры и истории. Так, например, оно, как правило, выступает под флагом «идей общего блага и справедливости, так как именно эти идеи являются цементирующей основой человеческих отношений в рамках социальных и политических союзов»³.

Насилие представляет собой такой тип человеческих, общественных отношений, в ходе которого одни индивиды и группы людей подчиняют себе других, узурпируют их свободную волю. Но как такое возможно? Ведь, говоря словами Гегеля, «свободная воля в себе и для себя принуждена быть не может»⁴. Нельзя принудить того, кто не хочет, чтобы его принудили. Здесь мы подходим ко второму аспекту понятия насилия.

Насилие есть внешнее воздействие на человека, по преимуществу его физическое принуждение. Оно связано со

специфическими средствами, представляющими собой прямую или косвенную угрозу жизни, предназначенными для ее разрушения и уничтожения. В известном смысле его даже можно отождествить с такими средствами, в частности и прежде всего с орудиями убийства. Пулей, конечно, можно убить не только человека, но и бешеную собаку, которая собирается броситься на человека. Тем не менее изобретены и существуют пули, как и все оружие, именно для убийства людей; в этом смысле их можно считать воплощенным насилием. Даже мыслители, как, например, Л.Д. Троцкий, последовательно придерживавшиеся мнения, будто цель оправдывает средства и даже убийство приобретает различный смысл в зависимости от цели, во имя которой оно совершено, признавали, что «не все средства позволень». Соглашаясь, что есть средства, которые сами по себе являются знаком насилия и в определенных случаях достаточны для его идентификации, следует подчеркнуть, что в целом без соотнесения с мотивами, целями определить насилие невозможно. Боль от скальпеля хирурга и боль от удара полицейской дубинкой – разные боли.

Мотивы и цели в понятии насилия играют настолько большую роль, что в определенных случаях в качестве насильственных могут выступать даже действия, направленные на поддержание жизни, например принудительное кормление человека, объявившего голодовку. Насилие – внешнее, силовое воздействие на человека или группу людей с целью подчинить их воле того (или тех), кто осуществляет такое воздействие. Оно представляет собой узурпацию человеческой свободы в ее наличном бытии, внешнем выражении. Собственно говоря,

³ Мостовиок М.А. Насилие как форма принуждения // Проблемы государства и права в современном российском обществе. – Вып. III. Гражданское общество в России: теория и практика. – М.: Московский университет МВД России, 2003. – С. 48.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права, § 90–92. – М.: Мысль, 1997. – С. 141–142.

механизм, технология насилия и состоит в том, что люди принуждаются к определенным поступкам или чаще всего удерживаются от определенных поступков с помощью прямого физического воздействия.

Будучи навязыванием воли одних другим, насилие может быть интерпретировано как разновидность отношений господства, власти. Власть есть господство одной воли над другой, применительно к человеческим отношениям ее можно определить как принятие решения за другого. Она может иметь, по крайней мере, три существенно различных основания. Она может базироваться на реальном различии воли, и тогда более зрелая воля естественным образом господствует над незрелой волей; такова власть родителей над детьми или образованных сословий над необразованными. Она может иметь своим источником предварительный более или менее ясно выраженный договор, когда индивиды сознательно и в целях общей выгоды отказываются от некоторых прав, передают решения по определенным вопросам определенным лицам; такова власть полководца, законно избранного правителя. Наконец, власть может основываться на прямом физическом принуждении, и тогда она выступает как насилие; такова власть оккупанта, насильника. Рассмотрение насилия как разновидности властных отношений позволяет отличать его от других форм принуждения – патерналистского и правового. Патерналистское и правовое принуждения характеризуются тем, что на них получено (или предполагается, что могло бы быть получено) согласие тех, против кого оно направлено. Поэтому сопряженное с ними внешнее воздействие (а оно неизбежно присутствует и в том и в другом случае) считается легитим-

ным насилием; это своего рода частичное насилие, полунасилие. В отличие от них, насилие в собственном смысле слова есть действие, на которое в принципе не может быть получено согласие тех, против кого оно направлено.

Насилие следует отличать от природной агрессивности, воинственности, представленных в человеке в виде определенных инстинктов. Эти инстинкты, как и противоположные им инстинкты страха, могут играть свою роль и даже изоциренно использоваться в практике насилия. Тем не менее само насилие есть нечто иное и отличается от них тем, что оно заявляет себя как акт сознательной воли, ищет для себя оправдывающие основания. От других форм общественного принуждения насилие отличается тем, что оно доходит до пределов жестокости, характерных для природной борьбы за существование. А от собственно природной агрессивности оно отличается тем, что апеллирует к праву, справедливости, человеческим целям и ценностям⁵. В этом смысле насилие можно охарактеризовать как право сильного или как возведение силы в закон человеческих отношений. Оно не является элементом естественного состояния, понимаемого вслед за Гоббсом в качестве гипотетической природной предпосылки общественной жизни. Его нельзя также считать элементом цивилизационно-нравственного существования. Насилию нет места ни в природе, ни в пространстве человеческого разума. Оно находится между ними. Насилие может быть средством, выводящим человека из природного состояния, ибо, как говорил Ге-

⁵ Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 20.

гель, «немногого можно достигнуть добром против власти природы». И оно же может быть формой провала сквозь все еще хрупкую оболочку цивилизации, обратного движения в сторону естественного состояния; по мере исторического развития оно все более выступает именно в этом втором качестве. Насилие занимает промежуточное положение между природностью человеческого существования и культурно осмысленными формами, в которых это существование протекает, между дикостью естественного состояния и ритуальной сдержанностью цивилизованной жизни, как бы связывая между собой две природы человека. Этим определяется как фундаментальное значение насилия в структуре человеческого бытия, так и его амбивалентный характер. Может ли насилие получить нравственную санкцию?

Насилие – феномен сложный, многоаспектный. Оно изучается различными науками: философией истории, социологией, психологией, политологией, правом и другими. Этику оно интересует под углом зрения его морального обоснования и оправдания. Предметом рассмотрения здесь являются не многочисленные вопросы о том, чем вызвано насилие, в каких формах оно протекает и переживается, насколько необходимо, целесообразно, а только одно – может ли насилие считаться морально достойным способом общественного поведения, может ли оно быть интерпретировано как акт доброй воли, получить санкцию морали? При этом следует учесть, что речь идет о морали в ее современном прочтении, которая независимо от различия ее конкретных исторических, религиозно-культурных форм и философских интерпретаций исходит из

идей самоценности личности и человеческой солидарности в том виде, в каком эта последняя задается золотым правилом нравственности, т. е. гуманистической морали. Интересующая нас проблема приобретает тем самым форму сугубо риторического вопроса: может ли насилие быть оправдано, санкционировано в рамках гуманистической морали? Ответ на него очевиден: нет. Мораль и насилие изначально по определению исключают друг друга. Если мораль утверждает личность как ответственного субъекта действия и понимает пространство межчеловеческой коммуникации как взаимность добра, то насилие означает нечто прямо противоположное. Они по сути дела и определяются через противопоставление друг другу.

Насилие является одним из способов поведения в конфликтных ситуациях особого рода, когда конфликтующие стороны радикально расходятся в понимании добра и зла, когда то, что для одних – добро, другие считают злом, и наоборот. Уточним: не сама мораль является здесь предметом разногласий, а ее конкретное содержательное наполнение. Разногласия, касающиеся тех или иных практических вопросов, конкретные различия жизненных позиций поднимаются до уровня морального противостояния. Решение в пользу насилия всегда означает, что тот, кто принимает данное решение, окончательно закрывает путь сотрудничества между собой и тем, против кого оно направлено. Моральное противостояние есть признание невозможности и даже ненужности взаимопонимания, оно переводит отношения в такую плоскость, когда оппонент становится врагом, аргумент – оружием, симпозиум – полем битвы. При этом, поскольку каждая из проти-

воборствующих сторон считает, что она выступает от имени добра, а противоположная воплощает зло, происходит демонизация конфликта.

Если принять такую логику и предположить, что добро и зло на самом деле «бегают каждое на двух ногах», то насилие как способ взаимоотношения лиц, персонифицирующих соответственно добро и зло, выглядит вполне обоснованным. В ситуации, когда блокировать зло нельзя иначе, как уничтожив его носителей или подчинив их воле добрых, совершить насилие может выглядеть делом столь же естественным и справедливым как, например, очистить тело от паразитов. Без разделения людей на добрых и злых было бы совершенно невозможно этически аргументировать насилие. Так, люди, приговоренные к одному и тому же виду наказания, по-разному воспринимают его в зависимости от особенностей личностных свойств. Например, применение штрафа и общественное порицание для одних воспринимается как освобождение от наказания, для других – как реальное и вполне осязаемое, поскольку может сказаться на его престиже и авторитете в обществе, семье, на работе и т. д. Из этого можно сделать вывод, что при назначении наказания необходимо учитывать способность и готовность лица принять его и внутренне пережить.

Подобная внутренняя реакция человека, глубина его переживаний – это, конечно, явления психологического характера, но они все же не замкнуты и не изолированы от материального мира. Как справедливо отмечал С.Л. Рубинштейн, «осознание переживания представляет собой соотношение сознания с объектом, внешним материальным миром, ко-

торый выступает в качестве его основы и источника»⁶.

Вместе с тем насилие не может получить моральной санкции, так как получить ее на то или иное действие означает получить согласие того, на кого данное действие направлено. Однако, если бы было возможно такое согласие, то не было бы нужды в насилии, поскольку насилие и есть действие, которое совершается без согласия: по точному определению Л.Н. Толстого, «насилловать – значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие»⁷. О морали в ситуации насилия допустимо говорить только в аспекте преодоления этой ситуации, поскольку сама мораль начинается там, где кончается насилие.

Против концепций морализирующего отрицания насилия как такового выдвигается то основное возражение, что они, говоря языком и словами Гегеля, не идут дальше абстрактного мышления о свободной воле и личности и не рассматривают насилие в конкретном и определенном наличном бытии, не учитывают многообразия его форм, качественных и количественных характеристик⁸.

Согласно одной из позиций, основной движущей и очищающей силой истории является насилие. Это в корне неверно. История существования человеческой цивилизации доказывает, что ненасилие превалирует над насилием. В противном случае оно бы до настоящего времени не сохранилось, подобно тому, например, как «в достаточно долгой перспективе не может сохраниться город, в котором количе-

⁶ Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959. – С. 149.

⁷ Толстой Л.Н. Путь жизни. – М., 1993. – С. 168.

⁸ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. – М.: Гардарики, 2003. – С. 178.

ство домов, сгораемых в пожаре, превышает количество домов, возводимых вновь. Превалирование ненасилия над насилем не является привилегией человеческой формы жизни. Это – существенная основа жизни вообще. Жизнь сама по себе, во всех ее формах есть асимметрия в сторону ненасилия, созидания»⁹. Как говорил Ганди, «если бы враждебность была основной движущей силой, мир давно был бы разрушен, и у меня не было бы возможности написать эту статью, а у вас ее прочитать»¹⁰. При этом особенность человеческой формы жизни состоит в том, что преодоление насилия становится сознательным усилием и целенаправленной деятельностью. Можно сказать, что преобладание человеческой формы жизни над другими, в результате чего осуществляется переход от биосферы к ноосфере, является следствием успехов в деле обуздания насилия. Рассматривая в этом контексте историю человечества, в нем можно выделить два переломных этапа: первый этап связан с ограничением вражды между человеческими стадами на основе талиона; второй – с возникновением государства.

Есть много оснований полагать, что отношения между выходящими из животного состояния человеческими ордами характеризовались ничем не ограниченной потенциальной враждебностью. Достаточно со-

⁹ Мостовиок М.А. Легитимность насилия в контексте историко-культурных типов // Сборник научных статей «Проблемы государства и права в современном российском обществе». Вып. V «Современная правовая жизнь: культурно-цивилизационный фактор». – М.: Московский университет МВД России, 2004. – С. 55.

¹⁰ Цит по: Ляурья Н.А., Титова Т.А. Влияние духовно-нравственных ценностей на возможность взаимопонимания в условиях культурного многообразия // Вестник ТГПУ. – 2007. – № 1 (64). – С. 21.

слаться на каннибализм, чтобы представить себе, до каких пределов (точнее – беспредельности) она могла доходить. Качественный скачок в плане организации совместной жизни, отделивший человеческое общество от животных объединений, был связан с родоплеменной структурой отношений¹¹. Одним из важнейших моментов этого перехода явилось упорядочение отношений между кровнородственными коллективами на основе принципа равного возмездия, или талиона.

Представления о равном возмездии составляют в историческом смысле первую, а в общечеловеческом смысле самую элементарную и универсальную форму справедливости. Справедливость, понимаемая как равное возмездие, свойственна всем древним племенам, с ней мы встречаемся в ветхозаветной этике Моисея, у ранних греческих философов (например, в знаменитом фрагменте Анаксимандра, у пифагорейцев). Ее следы и проявления можно наблюдать до настоящего времени в общественных нравах. Подчеркнем, что справедливым в данном случае считается не насилие, а его ограничение – тот факт, что насилие не должно выходить за поставленную ему обществом границу. Тому, кто совершает насилие, талион дает знать, что «он с неизбежностью получит адекватный ответ: выпущенная стрела по неотвратимому закону родовой жизни вернется к нему, поразит его или его ближайших сородичей. Того, кто отвечает на насилие, талион обязывает ограничивать жажду мести правилом равного возмездия, что, как свидетельствуют этнографические наблюдения, также дается нелегко (основная труд-

¹¹ Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 7.

ность первобытного социума состояла не в том, чтобы побуждать людей к мести, а в том, чтобы сдерживать их мстительные чувства»¹².

Отношение государства к насилию, в отличие от первобытной практики талиона, характеризуется тремя основными признаками, которые состоят в том, что государство монополизировало насилие, институционализировало его и заменяет косвенными формами.

Государство же обозначает такую стадию развития общества, когда обеспечение его безопасности становится специализированной функцией в рамках общего разделения труда. С этой целью право на насилие локализуется в руках особой группы лиц и осуществляется по установленным правилам.

В государстве насилие институционализируется. Это нельзя понимать так, будто талион не был социальным институтом. Талион также являлся нормативной системой, но он осуществлялся в результате непосредственных, спонтанных действий самих заинтересованных лиц. Хотя это и был детально разработанный, ритуально обставленный обычай с целью гарантировать принцип эквивалента в разнообразных обстоятельствах, тем не менее каждый член первобытного коллектива имел право его толкования и безусловную обязанность исполнения. В государстве дело обстоит иначе. Здесь право насилия оформляется законодательно. Законы вырабатываются иначе, чем обычай. А соответствие каждого случая возможного применения насилия закону устанавливается в результате специальной процедуры, предполагающей объективное,

всесторонне взвешенное расследование и обсуждение. Практикуемое государством насилие основывается на доводах разума и характеризуется беспристрастностью, в этом смысле оно достигает по сравнению с талионом качественно более высокого уровня институционализации.¹³

Государство сделало еще один существенный шаг в ограничении насилия. Прямую борьбу с насилием оно дополнило упреждающим воздействием на обстоятельства, способные породить его. В государстве насилие по большей части заменяется угрозой насилия. Современный немецкий исследователь Р. Шпеemann в работе «Мораль и насилие»¹⁴ выделяет три типа воздействия человека на человека: а) собственно насилие; б) речь; в) общественная власть. Насилие есть физическое воздействие. Речь есть воздействие на мотивацию. Общественная власть представляет собой воздействие на обстоятельства жизни, которые мотивируют поведение. Это – своего рода принуждение к мотивам. Так действует государство, когда, например, оно поощряет или затрудняет рождаемость в обществе через политику налогов. По отношению к общественной власти насилие и речь выступают как периферийные способы воздействия человека на человека.

Отношение к государственному насилию будет различным в зависимости от того, рассматриваем ли мы его в статике, как итоговое состояние и постоянное условие человеческого существования, или в исторической динамике. В первом

¹³ Мостовиок М.А. Легитимность государственного насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 13.

¹⁴ Spaemann R. Moral and Gewalt // Riedel (Hrsg.). Rehabilitation der praktischen Philosophie. Bd. I. Freiburg, 1971.

¹² Столович Л.Н. «Золотое правило» нравственности как общечеловеческая ценность // Звезда. – 2008. – № 2. – С. 205–215.

случае следует признать, что каким бы легитимным, институционально оформленным и латентным государственным насилием ни было, оно остается насилием – и в этом смысле прямо противоположно морали. Более того, все отмеченные особенности могут быть интерпретированы как факторы, которые придают насилию размах и изоцирность. Монополия на насилие может вести к его избыточности. «Институциональность насилия придает ему анонимность и притупляет его восприятие. Косвенный, латентный характер насилия (манипулирование сознанием, скрытая эксплуатация и т. п.) расширяет сферу его применения. Оценка государственного насилия может быть существенно иной, если подходить к нему исторически и учитывать, что в отношении к насилию была догосударственная стадия и возможна постгосударственная. При таком взгляде государственное насилие, как и предшествовавший ему талион, можно интерпретировать не как форму насилия, а как форму ограничения насилия, этап на пути его преодоления»¹⁵. Монополия на насилие сужает его источник до размеров, дающих возможность обществу осуществлять целенаправленный контроль за ним. Отметим, что институционализация насилия включает его в пространство действий, легитимность которых совпадает с разумной обоснованностью и требует такого обоснования; вне этого была бы невозможна сама постановка вопроса о допустимости насилия. Косвенные, латентные формы насилия – свидетельство того, что оно в своей эффективности может быть заменено другими средствами.

¹⁵ Мартыненко Б.К. Государственное насилие – как его понимать? // Власть. – 2008. – № 8. – С. 107.

Таким образом, легитимация насилия есть ни что иное, как его ограничение. Оно получает моральную санкцию только в той мере, в какой выступает моментом, этапом на пути преодоления насилия. В данном случае действует такая же логика, как и в ситуации выбора меньшего зла. Меньшее зло выбирается не потому, что оно зло (зло вообще не может быть предметом нравственного выбора, как доказал еще Сократ), а потому, что оно меньшее. Насилие есть та важнейшая (хотя, разумеется, и не единственная) содержательная определенность, предметность человеческой деятельности, через отношение к которой мораль становится зримой, материализуется в поступках, обнаруживая свою действительность.

Литература

- Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество / В.А. Ачкасов // Полис. – 2001. – № 3. – С. 83–93.
- Гегель Г.В.Ф. Философия права, § 90–92. – М.: Мысль, 1997. – 151 с.
- Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. 1995. – № 5. – С. 5–12.
- Гусейнов А.А. Этика: учебник / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2003. – 472 с.
- Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? / А.А. Гусейнов // Вопросы философии 2004. – № 3. – С. 19–28.
- Люрья Н.А. Влияние духовно-нравственных ценностей на возможность взаимопонимания в условиях культурного многообразия / Н.А. Люрья, Т.А. Титова // Вестник ТГПУ. – 2007. – № 1(64). – С. 18–24.
- Мартыненко Б.К. Государственное насилие – как его понимать? / Б.К. Мартыненко // Власть. – 2008. – № 8. – С. 106–108.
- Мостовиок М.А. Насилие как форма принуждения. Сборник научных статей «Проблемы государства и права в современном рос-

сийском обществе». Вып. III «Гражданское общество в России: теория и практика». – М.: Московский университет МВД России, 2003. С. – 46–52.

Мостовюк М.А. Легитимность насилия в контексте историко-культурных типов / Сборник научных статей «Проблемы государства и права в современном российском обществе». Вып. V «Современная правовая жизнь: культурно-цивилизационный фактор». – М.: Московский университет МВД России, 2004. – С. 54–60.

Мостовюк М.А. Легитимность государственного насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Мостовюк. – М., 2006. – 27 с.

Рубинштейн С.А. Принципы и пути развития психологии / С.А. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 400 с.

Столович Л.Н. «Золотое правило» нравственности как общечеловеческая ценность / Л.Н. Столович // Звезда. – 2008. – № 2. – С. 205–215.

Толстой Л.Н. Путь жизни / Л.Н. Толстой. – М.: Республика, 1993. – 431 с.

Шайхутдинов Р. Современный политик: охота на власть / Р. Шайхутдинов. – М.: Европа, 2006. – 616 с.

Spaemann R. Moral and Gewalt / R. Spaemann // Riedel (Hrsg.). Rehabilitierung der praktischen Philosophie. Bd. I. Freiburg, 1971.